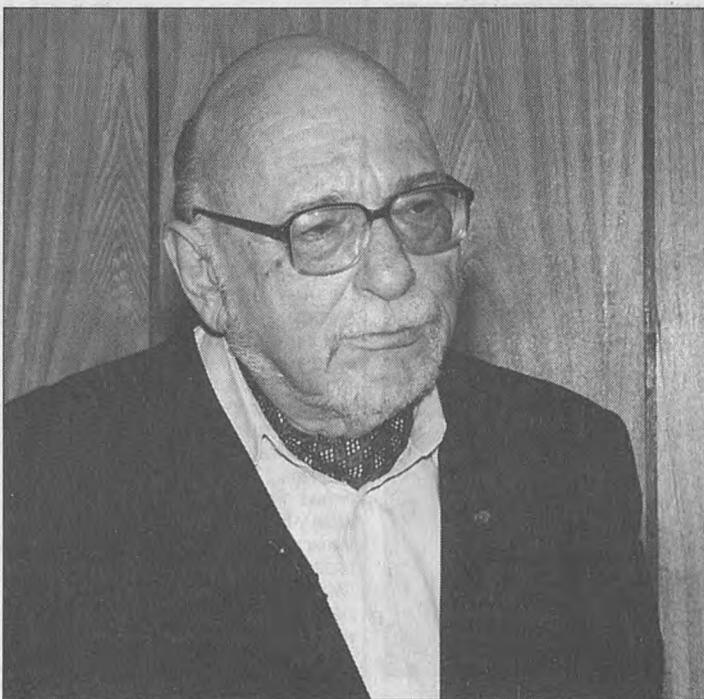

Считайте деньги, если хотите что-то сделать

Новым фильмом Ежи ГОФФМАНА "Древнее предание: когда солнце было Богом" открывалась панорама современного польского кино. В течение десяти дней показывали в Москве документальные, игровые, анимационные ленты из Польши. Организаторы акции – Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, Министерство культуры Республики Польша, МИД РФ, Союз кинематографистов РФ, Посольство РФ в РФ, АО Польское телевидение, Фильм Польский в Варшаве, Национальная фильмотека в Варшаве, Польский культурный центр в Москве. Наш разговор – с Е. Гоффманом, который после таких знаменитых лент, как "Потоп", "Знахарь", "Пан Володыевский", "Прокаженная", "До последней крови", "Прекрасная незнакомка", "Огнем и мечом", снова говорит о прошлом своей родины. На этот раз режиссеру удалось соединить воедино исторические хроники, легенды, языческие мифы и свою фантазию. В основе сценария – роман польского беллетриста XIX века Юзефа Крашевского. В красивой сказке-фэнтези, конечно же, как положено, звенят мечи и льется яд, несутся красавицы кони, резво прыгают пригожие девки над кострами, плывут венки по ночной реке, пылают огни языческих капищ... За всей этой экзотикой – размышления о природе власти. Оказываются, такие монстры на святой славянской земле наверх пробрались – Макбет отдыхает. И беды наши, несмотря на обиды давние, похоже, общие – от сладкого безумия власти. А снимал это страстное кино не только выдающийся режиссер, но и выдающийся оператор – Павел Лебешев. "Древнее предание" стало мощной и последней... нет, не точкой – скорее искрой в его творческой биографии.

– В "Древнем предании" я, конечно, мог занять прекрасных польских операторов, которые сейчас работают в Голливуде. Но мне хотелось, чтобы картина имела свой аромат. Больше романтики, больше славянского видения. Я понимал, что Павел Лебешев не в лучшей физической форме, но он был человек неимоверно сильной психики. Благодаря ей он и снял картину – хотя часто работал на коляске. Мы разделили обязанности – Лебешев ставил весь свет, снимал все актерские сцены, а батальные сцены снимала другая группа со вторым оператором Ежи Юшиком, с которым я делал "Знахаря". После фильма, кстати, печальная участь постигла не только Павла, но и Ежи – он умер через полтора месяца после Павла.

Е. Гоффман

– Пан Ежи, насколько давно вас интересует тема предков – древних славян?

– Если бы я не посвятил свою жизнь кинематографу, то, наверное, стал бы историком. В последнее время я не просто снимаю игровые фильмы, но пытаюсь соединить два главных увлечения своей жизни: кино и историю. Впервые я встретился с книгой Крашевского ребенком еще в Сибири – там книг было мало, все зачитанные, порванные, исчерканные химическим карандашом. И тогда образы наших древних предков в моем воображении накладывались на огромных бородатых стариков, которые жили рядом с нами в двух деревнях. Древнее поле накладывалось на тайгу, на лесостепь Алтайского края. Все это осталось в детском воображении навсегда. Так что для меня это не новая тема. И сразу же после фильма "Потоп" в 1974 году я пытался написать сценарий по роману Крашевского, но допустил огромную ошибку. Я пробовал экранизировать его так же, как и Сенкевича... Но они очень разные – и по образам героев, и по драматургии. Сценарий не получился, я выбросил его в корзину. А после фильма "Огнем и мечом" подумал – если нас ожидает вход в европейскую унию, где мы будем пользоваться той же техникой, что и Европа, то наш быт станет почти одинаков, и мы будем очень похо-

жи друг на друга. А чем мы должны отличаться? Каждая нация – своей культурой, своим прошлым. Думаю, что человек без корней – не настоящий человек. К тому же огромный успех таких фильмов, как "Гарри Поттер" и "Властелин колец", дал мне толчок. Я понял, что надо попытаться вернуться к старой легенде о предначальных временах.

– Насколько фильм оказался сложен технически?

– В нем более двухсот компьютерных эффектов. Вы видели огромные дубы, которых нет в действительности. Даже тысячелетние деревья меньше тех, которые мы показали. Мы не могли пускать стрелы прямо в лица актеров – использовали для этого компьютерные возможности. Из восемнадцати лошадей создали сто, из шестидесяти человек – двести. В "Огнем и мечом" мы перепесывали звук в Лондоне, а на этот раз все сделали в Варшаве. Мне помогли достаточно молодые люди. Конечно, чувствовалось, что они еще учатся, но схватывали все на лету. Для того чтобы компьютерные эффекты не отличались по качеству изображения от того, что сделано на пленке, нам пришлось перевести всю картину на твердый диск и после введения компьютерных эффектов, снова перенести изображение на пленку... Такая непростая технология.

– А почему вы пригласили имен-

но Богдана Ступку и Марину Александрову? Был ли кастинг?

– Я сразу определил для себя, что Попеля будет играть Богдан. В нем я увидел шекспировского актера – это же правда Макбет! Что касается Марины... Я долго искал в Польше девушку, которая была бы очень молодой, красивой, талантливой и с кинематографическим опытом. Но те, кого я пробовал, были молоды и красивы, но без опыта. Или с опытом, но в возрасте. А это мне не подходило. И вот Павел Тимофеевич Лебешев рекомендовал Марину – он снимал ее в картине "Азазель". Она приехала, прошла пробы и тут же была утверждена.

– В картине мы снова видим ваших любимых Даниэля Ольбрыхского, прекрасную Эву Вишневскую...

– Я часто возвращаюсь к своим актерами. Даниэль Ольбрыхский снимается у меня в пятый раз, Вишневская – в четвертый.

– Вы по-разному работаете с польскими и русскими артистами?

– Нет абсолютно никакой разницы. Просто в таких масштабных фильмах у режиссера нет времени на то, чтобы уделять актеру много внимания. Я, конечно, работаю с ними, но не всегда по Станиславскому, хотя я в этой школе рос. В свое время мы все делали актерские дипломы – я тоже, у меня была роль мольеровского Скалена, – это очень помогло нам в работе с актерами. Если нужно, я показываю, объясняю, мы пробуем – но не на съемке, когда за спиной уже бьет счетчик и все творчество переходит в деньги. Мы живем во времена, когда кончилась цензура, а с ней и средства. Поэтому деньги надо считать, если хочешь что-либо сделать.

– И вы считали?

– Конечно! Декорации строились на месте местными рабочими. Это дешево. Нам очень помогли Братства викингов. Ребята приплыли из Москвы, Киева, Лондона, Скандинавии на своих кораблях, со своим оружием, обруей. Конечно, их число мы потом увеличили при помощи компьютера.

– Бюджет у фильма был солидный?

– На наш взгляд, не очень. 2 миллиона 800 тысяч долларов. По европейским расценкам, фильм стоил бы в 10 раз больше, уже не говоря, конечно, о Штатах.

– Насколько достоверны события "Древнего предания"?

– Кино, как и литература, – это не учебник истории. Если в сценарии

есть человеческие чувства, страсть, которые всегда актуальны, – это имеет шанс дойти до публики. Ведь никто не узнал бы о судьбе всех этих генрихов и ричардов, кроме нескольких десятков профессоров, но будь Шекспира. И если зритель может себя отождествить с героем фильма, видит в нем свои сегодняшние качества или, наоборот, с ним не согласен – у такого фильма есть шанс на успех. Потому что любовь, ненависть, жажда власти вечны. Меняются костюмы, мода, архитектура, обычаи, но эти категории на века. И если они на первом плане – то попадают в сердце зрителю. Я не являюсь режиссером-интеллектуалом. Не люблю, когда скучно. Чувствую и работаю эмоциями, стараюсь перенести их на экран. И если эта энергетика бьет в каждом кадре – тогда кино побеждает... В "Древнее предание" я внес свою энергию, и, думаю, это заметно. Это действительно мой лучший фильм. И он оказался понятен всем – его уже посмотрели в США, Канаде, Австралии.

– Ваш фильм посвящен эпохе дохристианской. Что бы вы взяли оттуда в сегодняшнюю Польшу?

– Чувство "гонора" – чувство чести. Честное слово как категория исчезло в конце XIX столетия. В начале XIX века не было лагерей для военнопленных, ведь если ты попадал в плен и давал честное слово, что больше не будешь воевать с противником, тебя отпускали. Думаю, нам пора вспомнить и о традициях почтения предков, матери и отца, чувства справедливости. Да, закон был жесток и говорил: "Смерть за смерть". Но преступник не мог быть правителем. А самое большое преступление – это убийство кого-то из своего рода. "Не убий брата своего". Я вообще думаю, что человеческая мораль очень упала с тех пор, как человек стал анонимным. Пока еще он воспитывался в среде, где все друг друга знали, оценивали и судили – тут на погосте лежали его отец, дед, он боялся Бога – все было нормально. Когда же человек стал покидать место рождения – а в мире идет огромная миграция, – он почувствовал себя анонимным и, значит, безнаказанным. Но ничего тут не поделаешь, можно лишь стремиться к тому, чтобы закон означал закон, а справедливость – справедливость. И чтобы это относилось ко всем, несмотря на то, какие человек занимает посты и какими деньгами обладает.

Беседу вел
Наталья БОБРОВА
Фото Ларисы КАМЫШЕВОЙ